

Игумен Дамаскин (Орловский),
член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
клирик города Москвы

Методология и практические особенности исследования подвига новомучеников и исповедников российских

Кого Церковь прославляет во святых своих? Есть ли разница между прославлением святого в Церкви и прославлением между людьми выдающегося человека за достижения в области культуры – в широком значении этого слова, включающего в себя всю созидательную деятельность человека? Огромная разница. Во святых Церковь прославляет Бога, Божественное действие Духа Святого, в человеке люди прославляют выдающиеся таланты, служащие зачастую не Богу, а людям, не духовной стороне, а материальной.

Дух Святой может жить в человеке, если человек предоставил Ему место – очищенные от страстей тело и душу, если душа человека с ее страстями, грехами и гордостью самоупразднится, и поэтому первая ступень к возможности прихода в душу человека Божией благодати – это самоумаление человека, исполнение первой заповеди блаженства о нищете духа. Без этого невозможно приблизиться к человеку Духу Святому в рамках задачи по спасению его души. Церковь, прославляя святых, – прославляет действия Божий в мире: веру, дающую возможность устоять перед любыми испытаниями, чистоту, недостижимую для падшего человека, рассуждение, непостижимое для тленного разума, но о котором можно сказать, что этот человек имеет ум Христов, как о том писал святой апостол Павел (1 Кор. 2:16).

Благодатная сила, действовавшая в апостолах Павле и Варнаве, поразила в свое время язычников, жителей города Листры, так, что они, будучи непросвещенными светом Христовым, хотели им поклониться, как богам, сошедшим с неба, принесли им венки и желая совершить в их честь жертвоприношения, – воздать им высшую славу, как понимали это язычники, как богам, пришедшим к ним в образе человеческом (Деян. 14:11). Но апостолы остановили безумное поклонение людей, сказав: «Что вы это делаете? И мы подобные вам человеки...» (Деян. 14:15).

Что почитает Церковь во святых своих? Их самоуничижение, самоумаление, славоненавидение, презрение ко всему земному – от славы человеческой до пристрастия к земным удобствам и богатствам.

Что прославляем мы, когда прославляем людей как героев человеческого духа, героев и подвижников культуры? Мы прославляем человеческие таланты, служащие славе человеческой. Мы прославляем великих художников, ученых и инженеров, писателей, философов, историков, политических деятелей и военачальников за их выдающиеся таланты, действующие в земной области, развивающие эту земную область бытия, но и погибающие вместе с ней.

Человек, развивая имеющиеся у него таланты, служит ими земным людям и целям и бывает прославляем от людей за успехи в их достижении. Таланты человека зачастую и развивают земную, тленную сферу бытия. Инженер – техническую, делая условия не духовной, а материальной жизни более комфортабельными, историк пишет о земной истории, а не о небесной, философ развивает психологическую сферу помышлений, которая, по слову Писания, вся погибнет вместе с человеком: изыдет дух и возвратится в землю свою, в тот день погибнут вся помышления его (Пс, 145:4).

Иногда, благодаря таланту, человек начинает исследовать область демонической реальности, ибо к небесам талант человека, не очищенного от страстей, подняться не может, но вполне может приблизиться к глубинам сатанинским, развивая страсти и упражняясь в

них. Тогда появляются талантливые произведения низменного свойства, развращающие человека, через них уже как бы демонические силы и аггелы бездны начинают действовать против людей, такие произведения прославляются демонами через вверившихся их темному водительству людей. Создавая талантливые произведения с выведенным в них талантливо злом, писатели призывают человека, образ и подобие Божие, подражать злу и тем губить свою душу. Ибо, что мы почитаем идеалом, чему сердечно сочувствуем – тому и подражаем. Если считаем идеалом одевшегося в привлекательные одежды, как бы ангела света, зло, то будем подражать злу. Если считаем идеалом для себя жизнь святых, то будем подражать им. Именно поэтому современное общество, далеко ушедшее от христианских представлений, не слишком стремится прославлять святых, так как идеал святого – является ли он прославленным Церковью преподобным или мучеником – это самоумаление святого человека, самоунижение и самоупражнение, с чем современный человек чаще всего и бывает несогласен, ибо любит и ценит больше всего свое «я». Любишь святого? Воздаешь ему славу? Самоупражнись и смирись сам. Хочешь быть героем человеческой истории – развивай свои человеческие начала, ибо история Божия – а это в новое время после Пятидесятницы история Церкви в лице ее святых и история человеческая – это две разные истории, имеющие такие же различные законы и правила, как сфера духовная и душевная, и последняя хотя и имеет самостоятельную ценность, но проникнуть в сферу духовную не может. Также духовное не может обрести в душе человека место, если не потеснит душевное.

Справедливо славна бывает история великого полководца, одержавшего множество побед и послужившего земному Отечеству, и потому члены земного Отечества заслуженно прославляют его, ставят ему памятники и воспевают его подвиги и заслуги в произведениях искусства. Но чтобы быть прославленным Церковью, для этого нужно, прежде всего, иметь своей целью служение Отечеству Небесному, искать прежде всего Царства Божьего, чтобы все остальное, если то будет Богу угодно, явилось всего лишь приложением к этому главному. Недостаточно быть всего лишь добропорядочным, христиански настроенным человеком и просить, чтобы Господь помог одержать победу над врагом, чтобы это исполнилось, ибо в этом случае мы призываем Бога Небесного и Вечного служить земному и временному. Нужно, чтобы человек избрал это Небесное центром своей жизни. Из многих выдающихся военачальников только один был таким, кто выбрал главным в жизни путь в Царство Небесное и личное спасение, – это прославленный Церковью праведный Феодор (Ушаков), адмирал, искавший спасения, благочестия, вечности, шедший к ним путем исполнения заповедей Христовых. Все остальное в виде блистательных и чудесных побед явилось всего лишь приложением к этому главному. Столь ценна в глазах Божиих душа человеческая, что этой благочестивой душе Господь не только даровал победы, но также и благопоспешение всем его подчиненным, и как даровал ради апостола Павла жизнь всем его спутникам, так и ни один из подчиненных праведного Феодора не был пленен. Святой праведный Феодор Ушаков – это и образец, и исключение, кто стяжал победы на поприще воинском не своим талантом, а силой креста, распинающего плотские и душевные страсти.

Как из выдающихся деятелей очень мало прославленных святых, так и из убитых в XX веке – много пострадавших, но мало мучеников за Христа. Христианский образец на все времена остается один и тот же, и не внешние обстоятельства жизни важны, даже и такие как насильственная смерть во время гонений, а внутренняя жизнь христианина, его праведность в очевидном и ясном выражении заповедей Господних: «не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй...» (Мф. 19:18), ибо «ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9-10).

Этот внутренний образ человека и исследуется при изучении материалов, касающихся как преподобных, так и мучеников, по мере того, что открывает Господь. В случае преподобных принцип изучения что раньше, что сейчас остается неизменным, но в случае мучеников древней Церкви и новомучеников XX века есть существенная разница: одно дело язычник, придя ко Христу и тут же исповедуя веру Христову, мученически умирает, а другое дело христианин XX столетия, от младенчества живший в лоне Церкви, имевший возможность пользоваться всеми благодатными ее Таинствами и прежде всего – покаяния и приобщения Тела и Крови Христовых, но пренебрегавший этими средствами, живший крайне нерадиво и в практических поступках своей жизни тем самым отказывающийся от Царства Небесного. Может ли таковой быть наследником жизни вечной лишь по одному факту его насильственной смерти, и не окажется ли положение такого пренебрегателя верой Христовой хуже, чем положение и не пришедшего ко Христу, ибо «кто знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его бит будет много, а который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше» (Лк. 12:47-48)? Если прелюбодеи или лихоимцы, или хищники, или лжесвидетели, или пьяницы, или посягающие на чужое в силу формальной принадлежности их к церковному обществу будут убиты, будут ли они наследниками жизни вечной, а тем более образцами для христианина? Наоборот, не в самом ли факте их смерти не только не будут образцом, но соблазном, как бы при богоотступнической их жизни показывая безразличие и пренебрежение к заповедям Господним. Одно дело разбойник, познающий на кресте Христа, и другое христиан, по жизни и душе ставший «разбойником», но погибающий насильственной смертью.

Потому-то и важен для прославления святых новомучеников не только факт насильственной смерти, но и устройство их внутреннего мира. Для этого необходима полнота не только всех архивно-следственных дел, но и всех дел, например, связанных с закрытием храма: как вел себя тогда человек при закрытии храма и какую христианскую позицию занимал, и был ли тайным соучастником закрытия; был ли человек осведомителем, то есть тайным по внешности, но явным по греху предателем Церкви, и, в конце концов, был ли нарушителем заповедей Господних. Частью такие свидетельства находятся в самих делах, частью о них можно узнать косвенно (например, архиепископ Ярославский Павел (Борисовский), будучи арестован в 1929 г. с группой духовенства, согласился быть осведомителем и был освобожден, что, однако, не помешало НКВД расстрелять его в 1938 г.); важно и то – принадлежал ли человек к Православной Церкви и не был ли обновленцем или григорианцем, о чем не всегда есть сведения в архивно-следственных делах. Для выявления этих фактов требуется долгое и кропотливое изучение всей жизни человека, чтобы не оставался неизученным ни один из ее периодов. Очень важны обстоятельства кончины мученика, потому что нередко бывало, что перед самой его кончиной, в концлагере, власти начинали новое дело, во время которого человек проявлял малодушие. Или, выдержав мужественно следствие и оказавшись в заключении, обнаруживал в такой степени малодушие и уныние, которые характеризуют уже не минутную слабость, а едва ли не отречение от Христа. (Как мужественно державшаяся в тюрьме во время следствия Татьяна Стогова, помощница епископа Игнатия (Садковского), впоследствии выразившая даже сожаление о своей связи с Церковью; псаломщик Владимир Беневоленский, написавший из заключения в прошении о помиловании, что служение его в храме псаломщиком было ошибкой, или староста Михаил Глухое, чьи письма из заключения пронизаны в такой степени унынием, которое уже показывает непонимание им, что такое страдание за Христа.)

Шарлатанство, мошенничество, попытки нажиться на простодушии людей, столь распространенные в мире, имели место и в религиозной среде тех лет, отнюдь не вынесенной за скобки мирского. Несмотря на гонения, всегда находилось достаточно

людей, не брезговавших мошенничеством и выдававших себя за юродивых, за людей, творивших чудеса, или за царских детей. Естественно, что НКВД арестовывал их как православных, и не так уж бывает и видно из материалов дела, кто был человек на самом деле.

Одним из критериев рассмотрения материалов о новомучениках является безупречность поведения исповедника на следствии, то есть то, что он не оговорил ни себя, ни других. Себя – потому что в данном случае он оговаривает себя ни в каких-то моральных просчетах и недостатках, а как члена Православной Церкви в несуществующей антигосударственной деятельности; ни тем более других, так как, оговаривая других, он юридически обосновывает для следствия их обвинение. Знакомясь с архивно-следственными делами, мы однако зачастую не знаем – не оговаривает человек себя или других из нравственно-религиозных ли установок, имея страх Божий и опасаясь нарушить заповеди Господни, или из соображений практических, понимая, что признание себя виновным автоматически может повлечь, несмотря на все заверения следователя, осуждение, а признание виновными других – дальнейшие расспросы и перенесение пунктов обвинения на самого дающего подробные показания. Одна из важнейших проблем при исследовании материалов о новомучениках та, что, бывает, обвиняемый в своем деле не признает себя виновным, но привлеченный свидетелем по делам других лиц проявляет малодушие и выступает лжесвидетелем; причем о наличии таковых показаний мы даже и не подозреваем, и не сможем найти ни по каким картотекам, ибо картотек имен свидетелей не существует. Именно поэтому для принятия взвешенного решения требуется просмотр и изучение всех вообще архивно-следственных дел, то есть всего архивно-следственного фонда той или иной области.

Важно выяснение того, что именно составляло нравственное и духовное содержание жизни человека, его религиозно-нравственная мотивация. Недостаточно принадлежать к социальной категории священнослужителей, чтобы насильственную смерть интерпретировать как смерть за Христа. Главным всегда был и остается внутренний настрой души человека, его жизненная позиция, то внутреннее сокровище, которому человек служит, в какую бы внешнюю форму он не облакался.

Бывший викарий Рязанской епархии, епископ Михайловский Исидор (Колоколов) за противоправные в гражданском нравственном отношении действия был в 1916 г. лишен викариатства и жил не запрещенным в священно служении в Трифоновом монастыре в Вятке, где и застали его революционные события, когда большевики пришли к власти. Он был ими арестован и 19 августа 1918 г. приговорен к расстрелу; он не признал себя виновным в контрреволюционной деятельности, то есть с формальной стороны себя не оговорил, и был расстрелян. Но при этом он до конца своей жизни, до самого ареста не изменил своего образа жизни, жизненные его приоритеты по-прежнему оставались за пределами заповедей Христовых, и насильственная, принятая от большевиков кончина никоим образом не может превратить его в образец христианской жизни и мученичества, ибо только хорошо служившие приготавливают себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса (1 Тим. 3:13). Для историка Церкви его биография выразится в перечне служебных назначений, перемещений, наград и прещений. Но в том случае, когда речь идет о прославлении убитого, неизбежно исследуется нравственная сторона его жизни, насколько она соответствует христианскому образцу и образу святых, какие нам известны.

В некоторых случаях буквально сбывается слово Христово, сказанное Им к преддверию Своего пришествия, но имеющее значение при всяком неожиданно нашедшем на людей бедствии, уносящем иногда жизни десятков тысяч людей, застающем одних готовыми к восприятию вечной жизни, а других нет. «Как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так

будет и пришествие Сына Человеческого; тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется» (Мф. 24:37-41).

В один и тот же день, 6 июля 1919 г., были расстреляны архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) и его викарий, запрещенный ко дню расстрела в священнослужении, епископ Леонтий (Вимпфен). Имея далекие от христианства жизненные установки, епископ Леонтий произвел множество беспорядочных действий в епархиях, где служил, а также и в Астраханской: им, в угоду безбожной светской власти, был сделан ряд публичных заявлений против правящего архиерея. Если бы только одна насильственная смерть могла освятить человека, поставить его образцом святого мученичества, то можно было бы только на основании факта насильственной смерти включить имя епископа Леонтия в Собор новомучеников и исповедников Российских, но от насильственной смерти в эту эпоху погибали и жившие праведно и проводившие беззаконную жизнь, и трудившиеся для Церкви и воевавшие с ней, и бывшие орудием ее расстройств и причиной смущения народа Божия. И потому один факт насильственной смерти не имеет для принятия решения определяющего значения, но важно, какую жизнь христианскую или антихристианскую – проводил человек. И здесь, повторяем, несостоятельна аналогия с древними христианами, приходившими в Церковь и часто принимавшими мученическую смерть под влиянием лицемерия подвига мучеников; они, будучи язычниками, уходили от язычества к Христу, в отличие от христиан начала XX века, которые, бывало, в течение всей земной жизни от Христа уходили.

До революции 1917 г. немало было случаев, когда люди, формально принадлежавшие к Православной Церкви, проводили жизнь как не принадлежавшие к ней; апостол Петр пишет о таких: «Если, избегши скверн мира сего через познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Пет. 2:20-21).

В XIX - начале XX вв. приход многих в церковный клир в значительной степени был обусловлен социальным происхождением. Духовное образование в семинарии в конце XIX - начале XX столетия зачастую связывалось в сознании получающего его не с намерением служить Христу и Его Святой Церкви, а с приобретением социальных преимуществ. В духовную семинарию часто шли, по выражению святителя Димитрия Ростовского, не для Иисуса, а ради хлеба куса¹. Как бы ни было материально тяжело жить священнику и его семье в начале XX в., но все же значительно лучше, чем большей части крестьянства, т.е. основному населению страны, вынужденному добывать хлеб насущный тяжелым физическим трудом. Отсюда и нерелигиозный, а зачастую и антирелигиозный настрой учащихся духовных семинарий, бунты в семинариях в годы, предшествующие революции, массовый уход окончивших семинарии в светские учебные заведения, получение светских профессий и вообще уход из Церкви, так как семинария в данном случае для многих оказывалась всего лишь ступенькой для устройства материального положения в жизни. Не все ищущие материального, однако, уходили из церковной организации, которая в любом случае давала некоторые преимущества, но почти все из таковых достаточно легко вступали с первых же лет и даже месяцев советской власти в негласное сотрудничество с ней, послужив основой для формирования обновленческих и григорианских организаций, едва ли не полностью захвативших иные епархии. Причем эти люди оставались при любой власти при одних и тех же приоритетах и ценностях – служение не Христу и Христовой Церкви, а устройство своего материального благополучия. Именно по этой причине невозможно бывает оценить человека как ревностного христианина лишь по причине его социальной принадлежности к духовному сословию. Поэтому и требуется скрупулезное изучение жизни мученика, который от младенчества все получил – но возможно и все растерял. Именно

поэтому, еще до наступления эпохи революционного насилия, жизнь во многих приходах и монастырях в нравственном отношении была далеко не на высоте; и когда после революционного переворота в монастырях стали устраиваться бунты и настоятелей, как, например, Санаксарского, преподобноисповедника Александра, братия заключила под стражу, это было всего лишь внешним выражением внутреннего настроя братии.

Архивно-следственное дело показывает зачастую только эпизод жизни мученика, может быть, и важный, но слишком малый для определения его исповеднического подвига. В древней Церкви период ожесточенных гонений был всегда достаточно кратким, и хотя Церковь и не признавалась языческим государством, но жила в периоды между гонениями более или менее мирно; в советское время гонения не прекращались ни на один год, лишь время от времени доходя до большей жестокости, и потому живший в XX в. исповедник испытывал давление государства во всей его мощи в течение всей жизни. И потому бывало, что устоявший во время гонений в двадцатые годы падал в тридцатые, а устоявший в те и другие проявлял малодушие в сороковые годы. Если жизнь обычного человека достаточно сложна и противоречива и один и тот же человек в зависимости от перемены внутренней позиции может совершать поступки прямо противоположные, то тем более сложна жизнь христианского исповедника, находящегося не только под давлением своих внутренних искушений, но и антихристианского государственного аппарата.

Насильственная смерть человека, принадлежавшего к духовному сословию и не согласившегося идти во время следствия на лжесвидетельства, далеко еще не достаточна для суждения о его исповедничестве. Священник Московской епархии, служивший в Якиманской церкви, бывшей тогда соборной в городе Можайске, протоиерей Кирилл Чмель был арестован в 1937 г. На допросах он не оговорил ни себя, ни других. Он был приговорен к расстрелу, и 27 декабря 1937 г. расстрелян на полигоне Бутово под Москвой. Если только оставаться в рамках этих сведений, то можно было бы включить его имя в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Однако, при более подробном изучении его биографии, ситуация окажется иной. Протоиерей Кирилл Чмель, 1879 г.р., с 1910 г. служил псаломщиком в Успенском храме города Серпухова. В 1916 г. рукоположен во диакона к этой же церкви. Но в 1922 г. вдруг неожиданно перешел в Полтавскую епархию, где назначен только что хиротонисанным во епископа Лубенского Преосвященным Григорием (Лисовским) диаконом в собор. В 1923 г. епископ Григорий был возведен в сан архиепископа и назначен в Полтаву. В том же году епископом Лубенским Феофилом (Бундовским) был учинен раскол. В 1925 г., уже после того как епископ Феофил был лишен сана и отлучен от Церкви (что произошло в 1924 г., и сам раскол стал называться Лубенским), диакон Кирилл был рукоположен им во священника, служил в его подчинении и в 1930 г. был награжден им наперсным крестом, и находился в расколе до самого перехода в Московскую епархию, что случилось в 1933 г. В послужном списке он, однако, отрицал принадлежность к Лубенскому расколу, называя себя принадлежащим к ориентации Собора православных епископов Украинской Церкви с 1925 по 1932 гг., и объяснял, что находился там по независимым от него лично обстоятельствам. Но независимыми обстоятельствами, которые воспринимались им как факт объективной и неоспоримой действительности, могла быть только служба в органах НКВД, перемещающего своего сотрудника с одного места на другое, но не гарантирующего его в то время от расстрела.

В советское время одной из форм борьбы государства с Церковью была вербовка под нажимом НКВД осведомителей, должных не только собирать информацию о происходящем в Церкви и передавать ее в НКВД, но и проводить внутри Церкви разрушительные мероприятия по указанию того же НКВД. Это ставит весьма сложные проблемы перед исследователями, так как НКВД старался скрыть своих сотрудников и не во всех случаях

привлекал их в качестве свидетелей, чтобы не обнаружить их. По одним только материалам допросов не всегда возможно судить об истинном положении человека – исповедник он или предатель.

В октябре 1937 г. в городе Козельске вместе с группой монахов закрытой к тому времени Оптиной пустыни был арестован послушник Тихон Плетнев, живший в Оптиной с 1912 г. На следствии он рассказал лишь о том, что действительно знал оптинских монахов и кого именно; при этом он никого не оговорил, также не оговорил и себя; против него, как и против других, как это водилось тогда, дали показания штатные свидетели, что было вполне достаточно для вынесения приговора. Всего по делу обвинялось 12 человек. 11 человек были приговорены к расстрелу и 5 декабря 1937 г. расстреляны, Тихон Плетнев и после их расстрела продолжал сидеть в смоленской тюрьме без вынесения приговора, и только 4 января 1939 г. власти приняли постановление о его освобождении за отсутствием «материалов о привлечении его к судебной ответственности», а также учитывая «его болезненное состояние (паралич левой половины тела)»². Если исходить из общих знаний об истории того времени, что после расстрела наркома НКВД Ежова на его место пришел Берия и начался пересмотр некоторых дел, мы могли бы сделать вывод, что послушнику Тихону повезло, он дождался времени некоторого восстановления справедливости и был освобожден. И лишь изучив тысячи дел, можно сказать с уверенностью, что так не бывало никогда, и он был всего лишь секретным сотрудником НКВД, который и поручил ему не только давать сведения о монахах еще до их ареста, но и быть с ними в камере, в некотором роде сопровождать их в последний путь, и в то же время фактом своего ареста и безупречными показаниями на следствии отвести от себя всякие подозрения в предательстве. Однако разница между исповедническим подвигом и систематическим предательством слишком велика, чтобы целиком опереться на скудные положительные данные следственных материалов, оставляя в неизвестности те или иные периоды жизни человека. Отсюда также следует, что необходимо изучение всего комплекса архивно-следственных дел тех областей, где человек арестовывался, и проведение сравнительного анализа на основании всех выявленных фактов на предмет возможного сотрудничества арестованного с НКВД в 1920-1940-х гг., эпохи по преимуществу и являющейся предметом исследования материалов о новомучениках.

Каковы причины, по которым люди подписывают протоколы следствия со лжесвидетельствами? Чаще всего это облеченное в различные оправдательные формулировки малодушие. Далее вслед за подписанным лжесвидетельством и приговором к расстрелу начинается период жизни, который полностью закрыт от церковного исследования, в отличие от того, как это было в древности, когда судебный процесс и казнь зачастую были публичными. В XX в. они стали (за немногими исключениями 1918 г.) закрытыми, а все происходящее во время них тщательно скрывается. В случае лжесвидетельства против себя или других, человек, приговоренный к расстрелу, переживает по преимуществу одно из двух состояний – величайшее, переворачивающее всю его душу покаяние или глубочайшее, переходящее в отчаяние уныние – во образ Петрова покаяния или Иудина уныния и зловерия. Целомудренное закрытие этого последнего момента в жизни новомучеников останавливает наше знание о них на протоколах допросов, на чем лежит последний отпечаток их личности – в каком бы состоянии внутреннем или положении внешнем эта личность ни находилась.

Во всех случаях, когда мы пишем или рассуждаем о человеке, мы оказываемся в рамках заповеди Христовой о любви к ближнему, стараясь не осудить, чтобы не погрешить. Когда пишется историческое исследование, то главным оказывается научная добросовестность исследователя, отсутствие искажений в угоду тем или иным конъюнктурным соображениям, и искажение исследования и является в данном случае нарушением

заповеди Христовой по отношению к ближним, которыми станут просвещенные или введенные в заблуждение предлагаемым им исследованием читателя. Но, когда исследуются материалы о подвижниках, мучениках или исповедниках и их подвиг как образец христианского служения, то главным становится нанесение вреда Церкви; и тут совершенно отбрасывается принцип необсуждения того или иного не вполне достойного поступка подвижника или исповедника, потому что тут речь идет уже не о нравственной безупречности или недостатках того или иного человека, а о неповрожденности церковного предания; здесь личность подвижника или мученика – христианский образец поведения, поэтому и рассматриваются не только факты страдания христианина, но и все эпизоды его жизни.

Церковный исследователь как христианин не осуждает, но как исследователь вынужден изучать все до конца, и как исследующий личность, которая должна быть образцом, исследует ее и со стороны отрицательной, рассматривая особенно пристально свойства души и поступки человека, отступающие от христианского идеала, чтобы неправым образцом не нанести вреда народу Божию. Прославление во святых новомучеников не является посмертной наградой пострадавшим, как бывает посмертная награда воинам, ибо все умершие до нас, при каких бы обстоятельствах они ни скончались, ни в каких наградах не нуждаются, но это прославление тех, кто является для нас и грядущих поколений верующих людей образцами. Ибо сама по себе насильственная смерть еще ничего не значит, ибо кроме нее есть христианское содержание жизни человека, по выражению апостола Павла, если и тело отдам на сожжение, а любви не имею, то нет мне в этом никакой пользы и я ничто (1 Кор. 13:3).

Во все времена, вне зависимости от территориальной обширности Поместной Церкви и ее численности, Церковь всегда была малым стадом, и всегда не так уж много было людей, имеющих евангельскую соль, великих подвижников; мучеников было несколько больше, чем преподобных и праведных, так как в данном случае Сам Господь содействовал умножением скорбей подвигу человека, но все же много меньше, чем вообще пострадавших людей, как их определяла когда-то гражданская власть, «православного исповедания». Если бы не так, то Россия не оказалась бы во власти безбожия в начале XX столетия, и Церковь не подверглась бы столь ожесточенным гонениям, ибо будят остном лишь того, кто глубоко спит.

Одним из существенных моментов при изучении материалов о новомучениках, и в особенности об исповедниках, есть свидетельства живущих людей. Здесь можно с определенностью сказать, что достоверные показания свидетелей-очевидцев о событиях 1918-1938 гг. по причине их естественного возрастного предела завершаются 1988-1998 гг., за некоторыми единичными исключениями. Все свидетельства за пределами этой даты имеют малодостоверный характер, и на них по существу невозможно опираться. Возникают проблемы и в области свидетельства о жизни исповедника, когда основным источником становится свидетельство о самом себе, которое может оказаться весьма отличающимся от действительности, подтверждаемой многочисленными и независимыми друг от друга документами, как в случае с иеросхимонахом Сампсоном (Сиверсом)³. Или когда о подвижнице свидетельствует человек посторонний, как в случае рассказа З.В. Ждановой о блаженной Матроне, когда она пишет, что блаженная Матрона «часто нам показывала в лицах, что происходит и что произойдет... "Сначала уберут Сталина, потом после него будут правители один хуже другого... И появится в то время Михаил, – ручки подняла кверху, приложила руку к сердцу и голове, – вот какой будет! Захочет он помочь, все изменить, перевернуть... Но если бы он только знал, что ничего изменить ему не удастся и что он за это поплатится, его убьют – он ни за что за это не взялся бы! Начнутся смуты... распри... пойдут одна партия на другую... будут ходить по домам, спрашивать: за кого? Будет резня"» и т.д.⁴

Комментаторы, отмечая расхождение литературного образа с реальной действительностью, пишут, что «это предсказание не относится к М.С. Горбачеву»⁵. Между тем «предсказание» является всего лишь, по собственному признанию, сделанному под давлением голоса совести, авторским вымыслом так называемого свидетеля, что приносит явный вред уже Церкви, вводя в заблуждение верующих, повреждая церковное предание и плодя мифологические схемы с попыткой опереться на авторитет святых.

Большая часть свидетелей, которая делится рассказами о давно минувших днях из жизни семьи, в которой был мученик или исповедник, рассказывают о том, что находится за пределами возраста и их сознательного восприятия давно ушедшей действительности. Имея определенную цель и представление, каким должен быть образ добросовестного пастыря или исповедника, они составляют мифический образ святого, который имеется в их или в общественном сознании, невольно являясь в данном вопросе недобросовестными свидетелями. Одна из проблем исследования жизни исповедников и новомучеников та, что свидетелями часто выступают потомки, которые не жили во дни своих дедов и отцов, а если детство их и проходило тогда, то их сознание в то время оставалось за пределами внутренней и внешней жизни исповедника. Могут ли они быть совершенно достоверными свидетелями, почти ничего не зная о внутренней и внешней жизни своих отцов и дедов? Конечно, нет. Когда-то свидетельства об имеющих важное значение событиях принимались под присягой – имеющей, разумеется, значение только для верующего человека, – но и тогда человек мог взять на душу грех лжесвидетельства, тем более это может происходить сейчас, когда человек руководствуется своими легко меняющимися настроениями.

Необходимость в каждом случае полного исследования о новомученике, с учетом психологических особенностей человека XX столетия, его нравственной, духовной изломанности, неоднократно проявлявшейся в его формальной принадлежности к Церкви и при этом ведущего жизнь, не имеющую ничего общего с христианской, и даже, подобно обновленцам, воюющего против Церкви, делает первостепенно важным полное изучение всех историко-архивных материалов, которое может быть достигнуто лишь при открытии всех фондов секретных служб ЧК-ОГПУ-НКВД за 1918-1940 г.г. Насущным изучение подобного рода дел в настоящее время является еще и потому, что если в 1990-е гг. в архивно-следственных делах еще встречалась часть документов о деятельности секретных сотрудников, то в 2000-е гг. такие документы стали изыматься до попадания архивных материалов в руки исследователей, и таким образом ценность архивно-следственных дел, с точки зрения полноты исследования мученического и исповеднического подвига на предмет включения имен в Собор новомучеников и исповедников Российских, сводится ныне почти к нулю, так как остающийся нераскрытым вопрос о сотрудничестве с безбожными властями, а также и о выступлении лжесвидетелями по делам других лиц оставляет неизученными существеннейшие стороны внутренней жизни предполагаемого исповедника.

¹ Сочинение святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 2. 4-е изд. М., 1827. С. 193.

² УФСБ России по Калужской обл. Д. П-12918. Л. 191.

³ Журнал «Отечественные архивы». 2005. №4. С. 100-114.

⁴ О жизни и чудесах блаженной Матроны. М, 1988. С. 52-53.

⁵ Там же. С. 52.